

Русанов В.А. Энгельский
технологический институт Саратовского
государственного технического
университета им. Гагарина Ю.А.

Религиозная культура в динамике социальных конфликтов

Ключевые слова: религия, национализм, социальная напряжённость, политическое поведение

In the article they are formulated some of the reasons for an increase in the sociopsychological tension in the Russian Federation and post-Soviet states. The keywords: religion, social tension, the political behavior.

Общество, социальная общность того или иного государства в процессе саморепродукции, так или иначе, усваивает догмы, мировоззренческие установки и стереотипы социального поведения предшествующих поколений. В значительной мере этот опыт сконцентрирован и легитимизирован в присущей данному социуму и государству религиозной доктрине. Вместе с позитивным опытом взаимодействия различных, обособленных собственной этнической культурой социальных общностей, составляющих народ, наследуются и некоторые предрассудки, неминуемо возникающие в результате интерференции различных социальных процессов. Социальные предрассудки являются следствием определённой инфантильности общественного сознания любых национально-политических образований. Общественное сознание следует за мировоззрением интеллектуальных элит, оно всегда – результирующая прошлого и представлений людей о будущем. Это объективно обусловленное рассогласование в идеологической сфере между традицией и социальной перспективой, наложившееся на социальную напряжённость, страх является одной из причин роста социально-психологической напряжённости в Российской Федерации и постсоветских

государствах. Какой мощной и непоколебимой казалась советская власть, но развеялась она как предутренный сон. Будущее государства, всего социума перестало зависеть от граждан, политической власти, оказалось, в представлении бывших советских граждан, их детей и внуков, в подчинении у тёмных сил злонамеренных внешних сил.

В условиях социальной растерянности, не имеющей тенденций перерастания в бунт, политическое руководство обычно возлагает надежды идеологическую сферу, на религию как средство стабилизации и консолидации общества. Религия, однако, как социальный институт, социальная практика, сама по себе не является гарантом утверждения в обществе норм честности, социальной справедливости, взаимного уважения и благородства помыслов. Религиозные доктрины по своей роли в обществе напоминают действие катализаторов в химических реакциях, ускоряющих, активизирующих самые различные процессы. Нет в мире ни одной религиозной доктрины, сторонники которой не запятнали бы себя кровью инакомыслящих или просто иных людей, исповедующих ту же религию, но принадлежащих к другой социальной группе или общности.

В равной мере эта индифферентная каталитичность характерна и для патриотизма, зачастую оборачивающегося в политике ксенофобией и шовинизмом. В стабильном обществе заметные отклонения от устоявшихся моделей приковывают пристальное внимание общественности, поскольку представляются девиантными, нарушающими общепринятые в обществе нормы и правила. Они продолжают оставаться девиантными, идущими в противоречие с интересами всего сообщества. Религия в процессе постоянного взаимодействия с обществом модифицируется, приобретает черты, характерные для политической системы данного социума. Именно в силу этих обстоятельств кажется правомерным выделять такие феномены, как поволжский ислам, русское православие или бразильский католицизм.

Сравнивая функционирование религии как комплекса административно-социальных алгоритмов в политическом пространстве различных социумов, можно чётко определить проблемы конкретного общества, характер протекания социальных процессов и прогнозировать важнейшие параметры их динамики.

Американский протестантизм и российское православие вполне адекватны своим социумам и могут служить характерным примером взаимной социально-конфессиональной адаптации, однако и в период подъёма социально активности, и в период её упадка религия, даже в леворадикальных формах, выполняла идеологические функции, отвечающие в целом интересам существующей системы. Спад в США бунтарской социальной критики в значительной мере был связан с отсутствием у её поборников позитивной программы общественного обновления. Разочарование подготовило достаточно широкую аудиторию для принятия религиозных идей иллюзорного спасения, и церковь не упускает случая воспользоваться этой возможностью. В США несомненно стремление определённых кругов усилить идеологическую роль религии как в её традиционных, так и в модернизированных формах. Пожалуй, важнейшей чертой теории и практики американского протестантизма является ориентация на светские, прежде всего социальные, проблемы. Это не тактический приём, а стратегическая линия, обусловленная пониманием того, что уход от "земных" интересов людей ещё более дискредитировал бы религию, усугубив её кризис.

Российское государство всегда имело беспрецедентные идеологические полномочия, и эти полномочия в значительной степени санкционировались самим православием ("Царь как хранитель православия", "Православие, самодержавие, народность"), независимость Церкви была главной преградой для возникновения в России деспотии, аналогичной восточным. Церковь никогда не отказывалась от своего духовного верховенства и своих

общественно-этических задач. Её институциональная зависимость порой была как раз следствием и выражением духовного сопротивления и независимости (например, при Петре I).

Естественно, что с разрушением советского тоталитарного государства взгляды общества обратились к Церкви как к единственному институту, укоренённому в традиции и на протяжении советской эпохи служившему живым символом духовного неприятия коммунизма. Логикой истории Церковь оказалась первым звеном гражданского общества и нарождающейся демократической государственности, как в дореволюционной, так и в постсоветской России. Вместе со свободой к ней не просто вернулись полномочия нормообразующей инстанции; она получила социальный заказ на создание новой духовности новой России.

Как и любая эпохальная социальная трансформация, переход российского общества от советско-тоталитарного к демократическому характеризуется масштабными дезинтеграционными процессами, кризисами идентичности, сдвигами целых социальных страт, сменой поведенческих практик. В этих условиях нормами индивидуальной этики, оставшимися в целом неизменными, сфера актуальной этической проблематики далеко не исчерпывается. Специфика этической ситуации постсоветского периода заключается в том, что общественному сознанию необходимо освободиться от части негативного опыта жизни при тоталитаризме, вернуться к вытесненным базовым нравственным категориям, таким как нация, традиция, свобода. Эти задачи не ограничиваются простым "возвращением" к досоветской традиции, но предполагают интенсивное переосмысление характера социальных отношений, связанное со строительством гражданского общества и правовой государственности.

Хотя шумливый религиозный радикализм и оставил ощутимый след в сознании и церковной практике, его спад в настоящее время несомненен, и он сопровождается заметным оживлением ортодоксальных доктрин. Однако

традиционные идеи в изменившихся условиях потребовали нового обоснования. В силу этого сложилась парадоксальная ситуация, когда нередко защита давних принципов и концепций протестантизма или христианства вообще осуществляется в модернистских формах, и такое развитие богословской мысли может обрести в будущем большее значение.

Следует также отметить стремление усилить роль церкви как организационно-идеологического центра религиозной общины. Традиционное для США и большей части Европы реформаторское отрицание церкви как посредника между человеком и богом, безусловно, сохраняется, однако это не мешает рассматривать церковный приход как "идеальную общину", способную улучшить человеческие отношения и стать средством более широкой и направленной социальной активности верующих. Для этого церковь должна обновиться, в условиях социального изменения церковь сама должна меняться, и не просто меняться, но и быть орудием изменения - лишь тогда она будет "работой бога" в истории.

В России явно доминирует консервативная тенденция. Церковь тоже вдохновляется образами "совести народной" и "лечебницы человеков". "В нынешний период стремительного обновления народной жизни Церковь старается помогать не только своим членам, но и всему обществу в разрешении трудностей и противоречий, порождаемых непростой эпохой перемен. Церковь не стоит в стороне от социальных процессов, стараясь придать им моральное измерение, направить в сторону созидания мира и утверждения справедливости", - отмечает патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. Принятый в августе 2000 г. эпохальный документ "Основы социальной концепции Русской православной Церкви" намечает широкий диапазон задач и те сферы жизни, где взаимодействие Церкви и государства могло бы служить общественной пользе. Среди них - сотрудничество в области образования и воспитания, социальной работы, культуры.

Заявленное подкрепляется реальными делами: заключаются соглашения между Патриархатом и государственными ведомствами, проводятся научные конференции, осуществляются конкретные проекты. Причем постсоветское государство подчёркнуто корректно ведёт себя с Церковью: оно предоставляет ей определенные налоговые и финансовые льготы, передаёт здания и помещения. Размеры этой поддержки порождают разговоры о воссоздании "полугосударственной Церкви".

Нет недостатка в заверениях в лояльности и со стороны Церкви. Церковь подчёркивает свою близость к обществу, к нуждам каждого конкретного человека. Напоминая "сильным мира сего" об их обязанности поддерживать слабых, предоставляя всем "приют для молитвы и тишины", Церковь помогает смягчить негативные последствия масштабных реформ для неадаптированных слоёв населения. Неудивительно, что Церковь пользуется у населения высоким авторитетом.

Однако если сравнивать нынешнюю социальную ситуацию с ситуацией десятилетней давности, то церковно-государственные отношения вызывают глубокую озабоченность. Отношение Церкви к государству неоднозначно. Она проводит чёткую границу между собой и государством, напоминая об истинной иерархии духовных и земных ценностей и закрепляя её в своей социальной доктрине. Вместе с тем через своих активистов Церковь артикулирует собственное понимание "православной политики", в частности, идею восстановления православной монархии.

Демократия как политическое устройство резко критиковалась отцами Церкви, ибо ассоциировалась с языческим характером античности. В современных условиях подобная критика, по сути, выражает сопротивление политическому секуляризму, крушению концепции христианского государства.

Актуальной публицистической темой является и тип государственного устройства. Федеративному государству нередко противопоставляется

империя как идеал государства, которое служит вверенным ему народам и принимает их под защиту. Государственное единство и мощь выражаются дорогим православному сознанию словом "державность". Державность - синтетическое понятие, объединяющее религиозное призвание и нравственную высоту государства. Показательно, что крушение СССР, несмотря на "сатанинский" характер последнего, порою трактуется Церковью с сожалением [см., напр. Основы 2000 XVI, 1]. При этом либеральное правовое государство с этической точки зрения зачастую оценивается ниже советского.

Подлинную несовместимость православия с современным светским правосознанием (и с Конституцией РФ) демонстрирует отношение РПЦ к такой важной составляющей прав человека, как свобода совести. Здесь теряет корректность в остальном выдержанная Социальная доктрина Церкви: "Утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии и фактической индифферентности к делу Церкви и к победе над грехом" [Основы 2000 111, 6].

Вопрос о свободе совести не случайно находится в центре современной социально-этической дискуссии. Ведь глубокий концептуальный поворот, связанный с провозглашением суверенитета личности и отказом от характерного для традиционного общества принципа верховенства социума над индивидом, несёт в себе опасность злоупотребления и глубокого этического конфликта. И хотя истоки этого поворота заложены именно в христианской концепции человека, Церковь не без оснований полагает, что свобода совести чревата вырождением в индивидуализм. Вместе с тем такое развитие событий подаётся в Социальной доктрине РПЦ не как угроза, а как свершившийся факт: "Охрана свободы личности трансформировалась в защиту своеволия... В системе современного светского гуманистического понимания гражданских прав человек трактуется не как образ Божий, но как

самодостаточный и самодовлеющий субъект. Однако вне Бога существует лишь человек падший" [Основы 2000 IV, 7]. В настоящее время, в десятилетия нашего века, как свидетельствуют данные саратовского Центра социологических исследований «Росс – 21 век», (директор В.П. Санатин), почти 90% жителей региона считают себя верующими. Из них около 10% можно признать «воцерковлёнными», то есть компетентными в вопросах веры и убеждёнными сторонниками одного из признанных в России «традиционными» вероисповеданий. Они образуют достаточно прочную социальную базу религиозного возрождения. Поскольку либерализация общества, правовой системы и властно-административных технологий, несомненно, является общемировой тенденцией, религиозный опыт становится решающим фактором в сохранении цивилизации. Религиозные воззрения, система нравственных парадигм и ограничений обеспечивают саморегуляцию общества без властного воздействия государства, на началах либеральной идеи. Граждане современных государств, преуспевших в либерализации, утрачивают не только связь с традициями совместного бытия, но и явно устремляются к самоуничтожению в поисках всё большей и большей свободы. Религиозные предписания и ограничения в этой социальной ситуации начинают играть роль своего рода перил на крутой и опасной лестнице социального прогресса.